

Аристотель

МЕТАФИЗИКА

РИПОД
КЛАССИК

УДК 14
ББК 87.3
А81

*Перевод с древнегреческого, вступительная статья
и комментарии А. В. Маркова*

Аристотель

А81   *Метафизика* / Аристотель ; [пер. с древнегр., вступит. ст. и комм. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 384 с.

ISBN 978-5-519-64767-0

Метафизика Аристотеля — вершина развития критической мысли античности и образец философских обобщений. В *Метафизике* были систематизированы правила обучения философскому мышлению и дан масштабный обзор достижений философии за несколько веков. Труд Аристотеля стал образцом для научной разработки философии и прогнозирования ее развития. Важнейший памятник мировой философии предлагается в новом переводе доктора филологических наук Александра Викторовича Маркова, с предисловием, обосновывающим переводческие решения.

**УДК 14
ББК 87.3**

ISBN 978-5-519-64767-0

© Марков А.В., перевод
на русский язык, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обычно различие между Платоном и Аристотелем полагают в том, что первый сочинял захватывающие диалоги, а второй — скучные трактаты. Аристотелю будто бы могут отдавать предпочтение только педанты; тогда как свободная мысль взлетает на крыльях платоновского мифа. На самом деле и Платон читал систематические лекции ученикам, и Аристотель писал диалоги ради привлечения новых слушателей в школу. Просто от обоих мыслителей дошло ровно половина наследства: ученики Платона, заинтересованные в привлечении элиты на свою сторону, распространяли диалоги, а ученики Аристотеля, представлявшие скорее научную лабораторию, должны были сверяться с оригиналами лекций как с бортовым журналом или записью экспериментов.

Только Рим сделал и лекции Аристотеля публичным достоянием, и диалоги Платона — предметом углубленного созерцания и изощренного толкования. Андроник Родосский, возглавлявший школу аристотеликов в Риме, решил издать книги Аристотеля, чтобы его собственная школа смогла конкурировать со стойками — тогдашними лидерами на поле массовой философии. Школа стойков (изначально, обитателей торгового центра «Пестрой Стои» в Афинах) была сопоставима с нынешними психологами, которые везде

востребованы, а школа перипатетиков (учившихся под руководством Аристотеля в перипатосе, на веранде, месте для прогулок) выглядела как ряд слишком высокомерных мудрецов, близко ставших к власти (Аристотель учил Александра Македонского; а автографы или копии автографов Аристотеля, поврежденные сыростью и восстановленные только трудами филологов, привез в Рим Сулла).

Андроник Родосский должен был показать, какие серьезные научные наработки стоят за тем, как знают себе цену аристотелики; и издал собрание сочинений в пику стоикам. Стоики делили всю философию на логику, физику и этику. Научные занятия Аристотеля взламывали эти три рамки. Андроник взял те лекции, которые Аристотель читал старшим ученикам, уже освоившим многие науки, и издал их как «Метафизику», буквально «То, что после Физики». Действительно, в «Метафизике» Аристотель часто ссылается на свои лекции по физике как уже известные слушателям. Но Андроник Родосский соединил материалы не в порядке курса. Скорее всего, это конспекты курсов, прочитанных в разные годы. Скажем, последние две книги «Метафизики» — критика платонизма, вероятно, две разных лекции, отстоящие друг от друга на несколько лет, но входившие как одна из тем в лекционный курс, возобновлявшийся из года в год.

Иначе говоря, перед нами что-то вроде учебника Лифшица-Ландау (физики поймут, что это), но еще и сохранившегося в виде рабочих материалов к курсам разных лет. Только Аристотелю удавалось, выверая резонанс каждой вещи резонансом речевого оборота, добиваться головокружительной музыкальной ясности. Сам Аристотель называет предметом этих лекций «Первую философию», иначе говоря, философию, дающую достоверное познание, а не только пре-

подающую мудрость. Именно как обоснование философии в качестве науки «Метафизика» всегда и понималась: для средневековых комментаторов она обосновывала частные науки, а для философов Нового времени — научность самого философского знания. Так, для Канта метафизика может возникнуть только «как наука»; а перевод слова «Метафизика» как «Наукоучение» стал нормативным в немецкой философской традиции (Фихте и другие). Есть и антиметафизическая линия в философии, которая оказалась продуктивной у Хайдеггера или Деррида: критика опредмечивания реальности, чему противопоставляется открытый Гуссерлем опыт бытия в мире, опыт раскрытого мышления. Заметим, что если учиться понимать Аристотеля, то у этих мыслителей, увидевших в метафизике проблему, а не готовое решение. Курьезна другая критика Аристотеля в русской традиции как западного рационалиста, запрещающего противоречия, подытоженная изречением нашего современника Петра Калитина «быть и не быть зараз» как формулой русской идеи, бездны душевной неопределенности. К счастью, защита Аристотеля, «апология разума», представлена в нашей традиции попечением Сергея Аверинцева и Ольги Седаковой.

Старый перевод «Метафизики», выполненный вполне почтенным историком философии А.В. Кубицким и вышедший в 1934 г., неудовлетворителен в наши дни, просто потому что в нем не видно разговора с учащимися. Кубицкий переводил как бы связный научный текст; а это именно лекция, где Аристотель часто пропускает то, что слушатели ловят с полуслова, заостряет тезис, приводит остроумные примеры и подшучивает, и главное, заставляет слушателей представлять предметы. Многое в содержании «Метафизики» сейчас было бы законнее представить в виде схем,

таблиц, диаграмм, и разместить на слайдах, но исходя из того, что русский язык образный, я от этого воздерживался. Там, где нужен яркий образ, я ставил яркое слово, но именно связанное с техникой учебного процесса, в котором есть доска, формулы и эксперименты.

Поэтому пусть читатель не удивляется, что я часто перевожу «логос» как «формула» (и редко «пропорция», у Кубицкого часто «определение»), «атом» как «особь», «генезис» как «производство», «искусство» несколько раз поясняя как «готовку», «энергия» перевожу только как «действительность» и вслед за поэтами и прозаиками русского XX века предпочитаю слово «существование» слову «сущность». Некоторые сложные формулы Аристотеля, как знаменитое «бытие как оно было» для обозначения самой сути вещи (что современные украинские переводчики, как А. Панич и А. Баумейстер, передали как «чембытность»), я так и перевожу «подлинность», «подлинная суть», «подлинное бытие», «самая суть». «Метафизика» больше собрание наглядных пособий, карт и контурных карт, чем те тянущиеся уточнения, которые ничего не уточняют, как в переводе Кубицкого. Вряд ли после Мандельштама и Пастернака, Платонова и Набокова, можно терпеть перевод Кубицкого, не понимая, что любой учитель любого школьного предмета должен говорить так, как говорят после Мандельштама и Платонова. Новые достижения русского художественного перевода, скажем, Пруст Елены Баевской-Лозинской или Саннадзаро Петра Епифанова, для нас тоже были важны. Никаких «усмотрений» и «значимостей» в нашем переводе нет — только русские слова.

За основу перевода мы взяли издания Росса и Йегера, опираясь и на комментарии этих великих ученых:

Aristotle *Metaphysics*. / ed. William David Ross, vols 1—2. Oxford, 1924

Aristotelis Metaphysica. / ed. Werner Jaeger, Oxford, 1963. («Oxford Classical Texts»).

Также нам удалось для книги двенадцатой учесть новейшее издание, в котором реконструирована и история передачи текста сквозь страны и языки:

Aristotle's Metaphysics Lambda. Annotated Critical Edition Based upon a Systematic Investigation of Greek, Latin, Arabic and Hebrew Sources. / ed. Stefan Alexandru. Leiden: Brill, 2014.

Теоретической основой работы для нас стал важнейший проект «Европейский словарь философий: словарь непереводимостей» (2004, русский перевод 2014) под редакцией проф. Барбары Кассен, собравший лучшие силы Франции для работы над тем, чтобы философские термины сами раскрывали свои смыслы. Поэтому мы, постоянно удерживая опыт перевода огромного объема этого словаря (его переводом я занимаюсь последние четыре года) и обратились за опытом и к представителям сходной философской традиции. Мы использовали перевод Четвертой книги «Метафизики», выполненный Кассен и Нарси:

La Décision du sens. Le Livre Gamma de la Métaphysique d'Aristote, / introduction, texte, traduction et commentaire par Barbara Cassin et Michel Narcy, Paris, Vrin, 1989. («Histoire des doctrines de l'Antiquité classique»).

Исключительно важен для нас был перевод Бернара Сишера, учитывающий интерпретации Хайдеггера и выполненный отчасти в традиции, представленной во Франции хайдеггерианцем Франсуа Федые, чье «Введение в метафизику» стало для меня одним из вдохновений в работе:

Métaphysique, traduite par Bernard Sichère, (2 vols.), Livres A à E, Paris, Pocket, coll. Agora, 2007, Livres Z à N, Paris, Pocket, coll. Agora, 2010.

Отчасти мы учитывали и английские и немецкие переводы:

Aristotle's *Metaphysics*. / Trans. Hugh Tredennick. 2 vols. Harvard University Press, 1933, 1935. (Loeb Classical Library 271; 287)

Aristotle's *Metaphysics*. / Trans. Joe Sachs. 2nd ed. Santa Fe: Green Lion, 2002.

Aristoteles, *Metaphysik*. / Übersetzt von Thomas A. Szlezák Berlin: Akademie Verlag, 2003

Aristoteles, *Metaphysik*. Bücher VII und VIII. Griechisch und Deutsch. / Aus dem Griechischen von Wolfgang Detel unter Mitarbeit von Julia Wildberger. Kommentar von Wolfgang Detel. Frankfurt am Main, 2009 (Suhrkamp Studienbibliothek 17).

Важнейший русский перевод, П.Д. Первов и В.В. Розанов: Аристотеля *Метафизика*. Вып. 1. Кн. 1—5. СПб., 1895, был переиздан новым набором со статьей В.В. Библихина: М.: Ин-т св. Фомы, 2006. Он был важен для нас прежде всего в свете статьи В.В. Библихина, с которой рекомендуем познакомиться читателю. Библихин справедливо указал на то, что Розанов стал настоящим собеседником Аристотеля, который способен и подсказывать Аристотелю, и уловить роль интуиции в построениях Аристотеля. Перевод А.Ф. Лосева последних двух книг «Метафизики» важен как попытка доказать несостоятельность аргументов Аристотеля и большой когнитивный потенциал платонизма. Лосев следовал традиции Боница (использовать многочисленные квадратные скобки в переводе для вставки «подразумеваемого») — эта традиция исходит из особого «духа» античной философии, который надо так реконструировать, и одновременно из того, что Аристотель очень несовершенный логик, которого надо все время пояс-